Весь мир - театр

Молодежь Эстонии. - Таллинн. - 1992 - 27 окт.

Таланты... без поклонников?

В минувшую пятницу в полдень необычное зрелище можно было наблюдать в Таллиннском Доме торговли: билеты на спектакль Студии Старого города продавал не кто иной, как сам основатель и художественный руководитель театра Эйно БАСКИН. Наша беседа с ним состоялась накануне, в четверг.

- У каждого театра, понятно, свой имидж, своя легенда: день рождения, взлет, высота, падение... Театр - живой организм, и как все живое, он не вечен. Какой период переживает сейчас Студия Старого города, играющая свой тринадцатый сезон?

- Вообще-то тринадцать число для меня, вопреки предрассудкам, счастливое. Тринадцатого я открыл глаза после тяжелой операции, пролежав в беспамятстве 57 дней. В Ленинграде, где мне хорошо работалось в мюзик-холле, у Н. Акимова, у Г. Товстоногова, я жил на Пушкинской улице в доме под номером тринадцать. Тринадцатого же в отличном настроении я упаковывал чемоданы, собираясь с мюзик-холлом на гастроли в Париж. Это на следующий день, четырнадцатого, меня буквально сняли с поезда, ибо пришла "весточка" из Таллинна о том, что я ненадежный, подозрительный тип, который может удрать и не вернуться. Это мои "друзья" из КГБ и ЦК партии позаботились о том, чтобы я никуда не выезжал.

Но, увы, тринадцатый сезон в театре нарушает традицию. В истории студии такого трудного периода еще не было. К нам, избалованным вниманием публики, перестал ходить зритель. Конечно, он не ходит и в другие театры, но от этого, как говорится, не легче. Причин тут много. И они на поверхности. Людям жить тяжко, у них нет средств. Они в холоде, в голоде. Несколько дней назад телевизионные журналисты беседовали с пожилыми людьми, живущими в домах без центрального отопления, интересовались, как они обогревают свое жилье. И те отвечали: стоимость брикета превышает размер пенсии. Вот и живут старики в неотапливаемых квартирах. Где же им взять десять, двенадцать, пятнадцать крон за билет в театр, на концерт? К тому же пожилые люди не решаются вечером лишний раз выходить из дома - опасно, наша полиция нас не бережет.

Недавно мы подготовили премьеру - пьесу Жана-Ноэля Фёнвика "Ордена для господина "Шютса". На мой взгляд, очень интересная пьеса. Так вот, на премьеру пожаловали только 100 человек, на второй спектакль - 50, на третий - 80... Мы попробовали сыграть пьесу днем, бесплатно, специально для пенсионеров. И поразились: на 400 мест в зале претендовало 800 зрителей! Директор театра охрип, умоляя часть людей разойтись, ибо стульев мало, а старым людям трудно простоять два с половиной часа. Но они остались. И стояли. Вот вам печальное доказательство того, что сам интерес к театру не пропал. Но он сильно подавлен обстоятельствами.

- Именно в этом вы видите природу сегодняшнего кризиса театра?

- Кризис этот, повторяю, повсеместен, если иметь в виду территорию бывшего Союза. В эстонском драмтеатре на днях десятый спектакль "Неуловимого чуда" Эд. Вильде отменили из-за отсутствия зрителя. В Молодежном театре в зале тоже пустовато: по двадцать, тридцать, сорок человек. В Пярну на третий премьерный спектакль было продано всего 4 билета. Еще весной на новый спектакль "Побег" в нашем театре, который мы играем втроем - Инес Ару, Калью Кийск и я, - был аншлаг. А сейчас на него набирается едва ли сотня зрителей. Готовлю, несмотря ни на что, новую эстрадную программу, но побаиваюсь, придет ли зритель?

Преуспевающему бизнесмену, у которого есть чем заплатить за билет, театр не нужен. Такой предпочитает отдыхать на Канарских островах, в Турции или Греции. Я иногда езжу в Швецию морем и встречаю эту "гуляющую" эстонскую и русскую публику, которая угощается на корабле шампанским и черной икрой и танцует до умопомрачения с девушками. За год-два эти молодые люди стали миллионерами, продавая куртки, железо, медь, олово и еще черт знает что. А скромный пенсионер или середняк-служащий, который всю жизнь ходил в театр за рубль-два, сегодня потерял даже эту возможность.

Кроме того, у людей еще не окончательно остыл интерес к политике. Выборы, Государственное собрание, новый президент, новое правительство... Дома перед телевизором, в теплых шерстяных носках можно многое увидеть и услышать. К тому же, телевидение стало показывать больше фильмов.

- Интересно получается: раньше, при несвободе, рождались и набирали стремительную высоту новые своеобразные театральные коллективы. Фрондерская Таганка снискала тогда всемирную известность. Было это и у вас в театре. Помню вашего потрясающего "Ревизора", заставившего нас хохотать весь вечер. И ведь над кем смеялись? Над собой. Парадоксально: при несвободе театры многое могли и умели. Что, свобода оказалась не очень питательным бульоном?

- Почему же, свобода дает возможность выбора, а это кое-что значит. Но ведь еще до нас замечено: запретный плод сладок. То, чего в прежние годы не могли сказать газеты и журналы, радио и телевидение, ухитрялись сказать театры. Теперь-то средства массовой информации нас, естественно, опережают. Ведь ни один писатель в Эстонии за эти горячие годы не написал новую пьесу. Когда "Ээсти экспресс" рассказал, как уборщица пришла поторопить Арнольда Рюйтеля освободить кабинет, ибо новый президент должен вот-вот пожаловать в Кадриорг, я воспринял эту корреспонденцию как драму. Театр такую пьесу из эстонской жизни сейчас предложить не может.

- Нравственные проблемы вечны...

- Увы, на сцене сейчас много суррогата. Вся Россия, да и не только она, помешалась на телесериале "Богатые тоже плачут", выполненном в таком жанре, который я и обозначить-то не могу. Это даже не дилетантство, не самодеятельность. Это какой-то сентиментальный идиотизм! А народ "стонет и плачет" вместе с героиней. Бедную Веронику Кастро переполненная чувством благодарности публика просто разрывала в Москве на части. Но ведь это, простите, конец цивилизации. Настоящий художник ничего подобного себе позволить не может. Тогда надо немедленно бросать сцену и переквалифицироваться в портного, в бухгалтера, в управдома.

Вы все-таки сумели обозначить этот жанр, и трудно с вами не согласиться. Но, каюсь, презирая себя, я все-таки смотрю "Богатых...". И сама не могу понять, почему...

- Да потому хотя бы, что хотите узнать, чем все это кончится. Вас просто интригуют хитросплетением сюжета.

И у нас в республике есть такие, как я их называю, "слюнтявые" спектакли. В эстонском драмтеатре, например, собирает аншлаги спектакль "Королева красоты". И знаете, почему? На главную роль в нем приглашена мисс Эстония. Но она такая же актриса, как я китайский император! Зато красивое личико. И зритель ходит смотреть, как она движется по сцене. Справедливости ради надо сказать, что спектакль "Сценическая неразбериха", в котором заняты прекрасные актеры Ита Эвер, Андрус Варик, Айн Лутсепп, Юри Крюков, тоже собирает аншлаги. Это радует. А вот на "Венецианского купца" люди почему-то не приходят... Тут много неясного.

- Раньше любили поспорить о роли режиссера в театре, о роли актера. О том, кто важнее - актер или режиссер? А я спрошу у вас о роли денег в театре.

- И я отвечу, не задумываясь, что эта роль велика. Ведь если государство перекроет нам кислород, то есть прекратит дотации, придется театр закрывать. Хотя эти дотации весьма скромны, всего 40 тысяч крон.

Раньше мы могли обойтись четырьмя-пятью премьерами в год. Теперь нам нужно девять, не меньше. Но где же взять деньги на костюмы, декорации? На совещаниях в коллективе, где предлагается новая пьеса, мы обсуждаем теперь не ее содержание, а сколько в ней фраков, бальных платьев, шляп, колготок... И, посовещавшись, ищем другую пьесу, которая позволила бы обойтись старыми костюмами со склада, пьесу, где декорации не нужны, где одни голые стены и стул посредине, покрашенный в черный цвет. На такие компромиссы художник не имеет права, но мы ведь едва-едва зарабатываем себе на хлеб. У актрисы средний заработок сегодня 400 крон, а у нее семья и трое детей. И она занята утром на репетиции, а вечером - на спектакле.

- На что же вы надеетесь? Какое настроение в коллективе?

- Плохое настроение. Не от хорошей жизни я завтра буду продавать билеты на наши спектакли в Доме торговли. Поставим столик, развесим рекламные плакаты и... милости просим.

- Это одноразовая акция? Или всерьез и надолго?

- Посмотрим. Если продам больше билетов, чем удается кассиру, приду еще. Объясню пенсионерам, что четыре раза в месяц, по воскресеньям в 12 часов мы будем ставить наши новые спектакли по одной-две кроны за билет. И раз в месяц, видимо, бесплатно, будем приглашать тех, кому и эта цена не по карману.

- Сорок три года вы на сцене. И сегодня такой грустный разговор. Был ли смысл потратить свою жизнь именно на эту профессию?

- Конечно. И я сорок лет жил в ладу со своей профессией, хотя у меня было много неприятностей идеологического характера. Ведь то, что я говорил со сцены, очень не нравилось бюрократам и партократам. Но публика охотно шла на мои сольные концерты (были такие рекорды - 67 вечеров в концертном зале, 39 аншлагов - в тартуском "Ванемуйне"), горячо встречала сатиру, и это, конечно, вдохновляло. А теперь, когда мне шестьдесят три и я пенсионер, то вполне могу стать свободным художником и уйти из театра. Выступая на недавнем съезде театральных деятелей, я сказал, что это мой последний сезон, и в "Ээсти экспресс" сразу появилась корреспонденция "Баскин уходит из театра?". Тоже мне сенсация, когда человек в 63 года, после трех инфарктов собирается подводить итоги. Да это нормально, это в порядке вещей, пусть приходят молодые и начинают бороться за свое место под солнцем. Как это делают, к примеру, в шведском "Орионе". Там восемь актеров. Они репетируют в большом автомобильном гараже, ставят пьесу. Потом арендуют автобус и раскатывают на нем по всей стране, играя свой спектакль "до дыр". Потом делят поровну прибыль... и начинают все сначала. Я видел такие труппы в Париже, в Канаде. По существу, труппы на колесах.

- Театр всегда держался на двух китах - трагедии и комедии. Вам ближе второе. Почему?

- Сложно ответить, почему один человек любит балет, а другой - эстраду. Почему одному нравятся девочки, а другому - зрелые женщины. Дело вкуса.

В советское время сатира была остро необходима. И были сатирики. Их было мало, на них сыпались шишки, но они были. Вы не видели последнее выступление Михаила Жванецкого по телевидению? Его не узнать. Он сидел за столом, читал свои эссе, весьма далекие от юмора и сатиры. И чувствовалось, что ему, одаренному мастеру, высоко интеллектуальному человеку, сегодня трудно смеяться. Горько. Неэтично. Ибо грешно смеяться над трагедией. Какая уж тут сатира, когда умирают старики, гибнут дети, рушатся здания. Когда тысячи беженцев вынужденно покидают насиженные места... Я уверен, что если бы случилось невероятное и воскрес Аркадий Райкин, то он, с его безупречным вкусом, с его трепетным отношением к жанру, вообще бы ушел сейчас со сцены.

- Кажется, это Шекспир сказал: "Весь мир - театр! И люди все - актеры". Означает ли это, что сегодняшний кризис театра есть нечто преходящее и преходящее? Что у театра многое позади и многое впереди?

- Конечно, означает. Годдва будет тяжело, а потом снова все образуется. Сейчас же будем довольствоваться театром в жизни. К примеру, новое Госсобрание - чем не театр? Причем, пожалуй, поинтереснее, чем наш. Возьмите роялистов. Умные, толковые ребята, они откровенно признаются, что играют в политику. Мой друг Прийт Аймла искренне удивлен, как это могло произойти, что несколько тысяч избирателей проголосовали за него. Будучи честным гражданином, он пошел теперь в Госсобрание и будет работать там, раз уж его избрали.

Когда по телевизору показывали дебаты независимых кандидатов в депутаты, лучшего эстрадного спектакля нельзя было придумать! Я видел на сцене все, начиная от Марселя Марсо и кончая Робертом Ретони, лучшими комиками мира, но такого посмотреть еще не удавалось. Слава Богу, что эти комики от политики не прошли в Госсобрание.

Театр имеет тысячу лиц - трагедию, комедию, фарс, бурлеск... То, что сейчас происходит, иначе, чем трагифарсом не назовешь. Те, кто руководит нами, и вправду очень мало думают о культуре. Если вообще думают. А без культуры не может быть и нормального общества.

Мне кто-то сказал: в советское время тратили массу денег на пышные декады литературы и искусства, бессмысленные фестивали для того, чтобы отвлечь людей от главного. В этом есть зерно истины. Действительно, сколько высоких званий давали актерам за общественную работу, за шефские концерты на кораблях перед матросами, за исполнение ролей Ленина и Сталина... Я тоже в своей жизни переиграл массу ролей парторгов, секретарей комсомольских организаций, прокуроров, следователей и еще Бог знает кого. И получал премии. Грош цена всем этим пьесам, декадам и фестивалям, всему этому псевдоискусству. Но ведь и тогда были большие художники и большое искусство. И люди их знали и любили. В блокадном Ленинграде продрогшие, закутанные во что попало люди слушали симфонию Шостаковича. У Петера Зискинда, автора пьесы "Контрабас", идущей в нашем театре, есть такая фраза: "Берлин, разрываются бомбы, строчат пулеметы и минометы, а симфонический оркестр сидит в бомбоубежище в 9 утра. Репетиция. Чайковский. Первый концерт".

Искусство не исчезало даже в экстремальных ситуациях. Будет жить и теперь.

Беседу вела
Т. ОПЕКИНА.

На снимке: Эйно Баскин продает билеты в свой театр.

Фото К. ЛИЙВА.